

Благословение Померанца

Уже пять лет как с нами нет Григория Соломоновича Померанца. Религиозный мыслитель, культуролог, писатель - он и поднялся над своим временем, посмотрев поверх всех барьеров, и вынес на плечах всю ношу своего века. Живут его книги: они переиздаются и перечитываются. Проводятся семинары и конференции. Снимаются фильмы о нем. В 2018-ом мы отметим столетие Померанца.

Он выдвинул предположение, что XXI век станет эпохой Святого Духа. Как следует понимать эти слова? Как прекрасодушный прогноз? Как пророчество? Как духовное завещание? Я понимаю это прежде всего как задачу, которую он поставил перед родственными ему душами. Это то, что надлежит воплотить в жизнь «творческому меньшинству». Именно так называл Померанц людей внутренне собранных и свободных, а значит, спрашивающих с самих себя строже, чем с остальных. Свобода не просто предполагает ответственность, истинная свобода есть ответственность в беспримесном виде.

Одна из организаторов конференции «Православная Церковь и культура в современной России», приуроченной к годовщине трагической гибели протоиерея Александра Меня, представила меня как ученика Померанца. На конференции я прочитал статью Зинаиды Александровны Миркиной «Что же такое свобода?». Доклад должна была сделать сама Зинаида Александровна, но по состоянию здоровья она не смогла принять участие в работе конференции. Во время перерыва ко мне подошел пожилой мужчина. Вероятно, он знал Григория Соломоновича или читал его книги. Стараясь соблюсти приличия, и в общем-то доброжелательно, мужчина задал мне вопрос. Правда ли, что Померанц в конце жизни так и не пришел ко Христу? Ответил я не задумываясь: «Померанц никогда и не уходил от Христа».

Если бы я развернул свою мысль, то, вероятно, сказал бы следующее. Григорий Соломонович принадлежал к тем религиозным мыслителям, которые, не самоутверждаясь за счет своего духовного оппонента, развивают учение о многообразии проявлений Божественного. И таковы все духовные реалисты.

Французский священник Жюль Моншанен (1895-1957), перекинувший мост от христианства к индийской духовной традиции, был убежден в том, что все культуры и религии проистекают из одного Источника. А вывод, который делает Моншанен, таков: «Невозможно закрыться в рамках какой-то одной религии и не обращать внимание на другие, считая их ложными»[1].

Американский монах-траппист Томас Мертон (1915-1968) нашел общий язык с виднейшим представителем дзен-буддизма Дайсэцу Судзуки (1870-1966), которому, в свою очередь, оказался очень близок немецкий мистик Мейстер Экхарт (1260-1328). И если

Моншанен был одним из зачинателей христианско-индуистского диалога, то Мертон стал проповедником дзен-католицизма.

Такое религиозно–мистическое течение в иудаизме, как хасидизм, возникшее в первой половине XVIII века среди еврейского населения Волыни, Подолья и Галиции, очень трудно отличить от мистического христианства. Они только внешне далеки друг от друга, но цель жизни человека понимают одинаково - как служение Богу и слияние с Ним. Альтруизм хасидов в его предельной форме выражался словами: «Мое - твое, а твое - твое, таков путь благочестивого». А вот как то же самое звучит у Мейстера Экхарта: «Пока ты желаешь добра для себя более, чем для человека, которого ты никогда не видал, ты поистине неправ и ни на один маленький миг не заглянул в эту простую глубину»[2]. Аскетический идеал хасида имеет сходство не только с идеалом христианского аскета, но также с идеалом мусульманского суфия и дзен-буддийского монаха. На это обстоятельство указывал Мартин Бубер, посвятивший много лет собиранию хасидских легенд.

На пороге смерти индийский святой Рамакришна (1836-1886) говорил о том, что все книги Священного Писания верны, все религии подобны тропинкам, ведущим к одной общей цели – единому Бесконечному Божеству.

Моншанен, Мертон, Мейстер Экхарт, Бубер, Рамакришна и многие, многие другие – это те духовные реалисты, которые доглядели мир до его бессмертной реальности. Именно туда, в единую глубину, свободную от всех наших домыслов и грез, направлен взгляд Померанца.

Он не раз отмечал, что на вероучительном уровне между различными религиозными системами существуют непреодолимые противоречия. Снять их, скорее всего, невозможно. Великие учителя мудрости говорят на том языке, обращаясь к тому «ларцу или хранилищу духовных обликов»[3], который выработала их культура, но зовут все мудрецы к одному, никому не принадлежащему Истоку. Есть некий глубинный Центр, сам источник Жизни, из которого бьют ключом все мистические учения. Это та самая глубина бытия, на которой, как выразился Блаженный Августин, зла нет.

Когда Померанц писал, что XXI столетие станет эпохой Святого Духа, он имел в виду, что представители разных религий найдут больше точек соприкосновения, чем поводов для разрыва; что Запад и Восток выработают то общее духовное пространство, в котором хватит места всем представлениям о святости, и одна «основная сердечная идея»[4] не войдет в противоречие с другой. Делить-то нам на глубине глубин нечего. А если все-таки еще осталось, что делить, то значит идеи эти зародились не на глубине, а в голове; они еще сырые – утилитарно заземленные, идеологически окрашенные, политически ангажированные, они еще не обожжены огнем глубокого сердца.

Украинский мыслитель Григорий Сковорода призывал копать внутри себя колодец для той воды, которая оросит и твое поле, и соседское. Вода внутреннего колодца не твоя и не соседская. Это Божья вода. Почему-то люди думают, что по этой воде можно писать, как по бумаге. И пишут слова «брахманизм», «буддизм», «иудаизм», «христианство», «ислам». Написать-то, конечно, можно, но долго ли эти слова удержатся на Божьей воде? Один брахман спросил Рамакришну, почему тот выбросил знаки брахманского достоинства, и Рамакришна ответил: «Когда буря божественного экстаза охватила мое сердце и душу, она

сдула с меня все знаки веры и касты. Если когда-нибудь вы сойдёте с ума по Богу, вы поймёте меня». Мейстер Экхарт выразил то же самое другими словами: «Лучшее и благороднейшее, к чему можно прийти в этой жизни, это молчать и дать Богу говорить и действовать в тебе»[5]. А Бог не станет защищать интересы нашего маленького себялюбивого «я», в какие бы религиозные одежды оно ни рядилось. Когда маленькое «я» начинает черпать себя из вероучительных догматов, кровь льется рекой.

Чего только стоит борьба с ересью и еретиками, которая шла рука об руку с безжалостным истреблением политических оппонентов под религиозным предлогом. Памятны слова, которые предположительно высказал папский легат Арнольд Амальрик: «Убивайте всех, Господь распознает своих!». То есть отделит добрых католиков от отступников. Во время альбигойского крестового похода было уничтожено все население французского города Безье. Печально известное высказывание скорее всего приписано легату, но сути дела это не меняет.

Геноцид всегда имеет политическую и экономическую подоплеку, но в его основе лежит идея духовного превосходства над соседом. Турки начали вырезать армян не только как возможных предателей, которые могли перевернуться на сторону врага, но прежде всего как неверных. Иудеи находились под анафемой Рима вплоть до II Ватиканского Собора (1962-1965), и это обстоятельство, безусловно, развязало руки Гитлеру. Таковы последствия духовного эго. Не потому ли на пряхках сухопутных войск вермахта было выбито «Бог с нами». Идея расового превосходства, которая в XIX веке была экспортирована из Европы в Африку, послужила запалом для геноцида в Руанде. Чтобы поднять руку на ребенка, женщину, старика, сначала нужно поставить их вне закона, который освящен институтами не только земной, но и духовной власти. Духовное эго – это волк в овечьей шкуре.

Часто верующий защищает то, что не нуждается в защите. От кого оборонять гору в шапке облаков? Гора незыблема. Но, защищая саму несокрушимость, фанатик попирает то, что обладает беззащитностью проклюнувшегося ростка. Защищать святыню верующий должен прежде всего от самого себя, от своих еще недостаточно зрелых представлений о Боге, а не от иноверцев или безбожников. Вот почему так важны слова Померанца: «Стиль полемики важнее предмета полемики». Если ты потерял лицо, то уже не важно, ради чего ты ломал копья. И речь здесь идет не только о мусульманском терроризме, а о любых формах религиозного фундаментализма. К слову сказать, в мистико-аскетическом течении ислама суфизме счесть себя оскорбленным означает принять грех на душу.

Если в основе религиозных воззрений лежит идея духовного первенства, то до мракобесия рукой подать. И тогда уважительный стиль полемики оказывается непозволительной роскошью. На смену отрешенности Георгия Победоносца, внутренне собранного, укорененного в бытии, приходит змей, всё принимающий на личный счет, неустойчивый и неуступчивый. Померанц писал, что ярость битвы может превратить змеборца в нового змея. И далее – на хорошей иконе Георгий Победоносец сохраняет отрешенную чистоту духа в пылу битвы.

Нигде и никогда я не называл себя учеником Григория Соломоновича. Но в Калининграде ко мне подошел незнакомый человек и спросил: «Вы действительно ученик Померанца?». И вот тогда я ответил: «Да». Отступить было некуда. Зинаида Александровна

любит приводить слова одного мудреца: учителей много, учеников нет. И дерево может быть учителем. Но нужно досмотреть дерево до его Божественного корня. А для этого требуется вся полнота внимания. То самое буберовско-померанцевское отношение к другому человеку, к природе как к таинственному продолжению тебя же самого. Вот и душу мы должны досмотреть до ее незримой сути.

Порою Померанца толкуют превратно. Он никогда не ратовал за своеобразный и по-своему примечательный религиозно-философский синтез духовных учений в духе Блаватской и сам не создавал никаких учений, не организовывал никаких обществ. Он лишь предлагал отличать систему верований от подлинной веры. Система верований имеет дело с чем-то нереальным - с фантазией, с доктриной, с плодом воображения. Вера - это всегда столкновение с реальным, Именно в Реальности и происходит встреча всех искателей Истины. Ученик Рамакришны Вивекананда сказал: «Если бы я встретил Иисуса, то я бы кровью своего сердца омыл ему ноги». Единство религий Вивекананда понимал как «единение всех верующих в духе и истине, но отнюдь не как стирание всех национально-религиозных различий». Вивекананда осознавал, что единой церковной организации, объединяющей верующих всего мира, быть не может, что это утопия. Так же понимал глубинное единство религий и Померанц. Он говорил о некоем хороводе, в котором все религии, не теряя своих неповторимых черт, как бы берутся за руки, и через руки и сердца людей проходит ток всеохватной Любви.

Как-то я задался вопросом - много ли навоют мужчины с младенцами на руках? Скорее всего, они объединят свои усилия, чтобы их младенцы не погибли. Одно дело, когда Бог в лучах славы красуется на военном стяге и ведет тебя в бой, и совсем другое, когда Он на твоих руках, и ты должен защитить Его от своих личных или коллективных амбиций, от своей узконациональной, узкорелигиозной правды. А высшая истина состоит в том, что нет моего или твоего младенца. Все младенцы твои и мои.

Человеческая цивилизация, начертав имя Бога на своих знаменах, пустилась во все тяжкие. Но не будем забывать, что сотворение Человека еще не завершено. Григорий Соломонович говорил об этом мягким, тихим голосом, но в его глазах горел прожигающий огонь.

Хочу я этого или нет, но наш путь к самим себе, к тому истинному, что есть в нас, и должен быть тернистым. Если мы и учимся чему-то, то зачастую только благодаря страданию. Померанц стал тем, кем он стал, пройдя войну и лагерь, победив страх и пережив потерю любимого человека, Ирины Муравьевой: небеса раскололись над ним. Зинаида Миркина пять лет была прикована к постели, потому что ее сбывшаяся душа, ее крылья оказались никому не нужны. И вплоть до перестройки Померанц и Миркина, по выражению Зинаиды Александровны, жили на полке сытого людоеда. В любой момент Померанцу могли припомнить и его антисталинский доклад, сделанный в 1965 году, и публикации за рубежом. Без страдания душа не вырастет, но если мы вдруг решим, что страдание самоцель, то мы просто застынем в страдании, беспрестанно умножая его, заставляя страдать и себя, и других. Не Божье дело застревать в страдании. Замечательно сказал православный священник Александр Шмеман: «Начало «ложной религии» - неумение радоваться, вернее - отказ от радости. Между тем радость потому так абсолютно важна, что

она есть несомненный плод ощущения Божественного присутствия. Нельзя знать, что Бог *есть* и не радоваться»[6].

Я допускаю, что эпоха Святого Духа имеет очень условные привязки во времени. Но я верю, что с каждым поколением внутренне свободных людей на нашей маленькой планете станет больше осознанности, ответственности за свои поступки, а значит, и любви. Истинная реальность не в будущем и не в прошлом, она - в глубине настоящего момента. В настоящем уже есть всё, что нам нужно. Кружащийся осенний лист, тишина, невыразимая никакими словами красота. Но наша задача обнаружить эту красоту, увидеть Святой Дух. Вот почему современный духовный учитель Экхарт Толле, которого Померанц очень полюбил, призывает нас подружиться с настоящим моментом.

Я знал, что у Померанца была такая молитва: «Господи, останови мои мысли!», но я не знал, при каких обстоятельствах она возникла. И Зинаида Александровна посвятила меня в подробности важного эпизода их семейной жизни. Произошло это в начале восьмидесятых. У Григория Соломоновича зашкаливало давление, и как раз в этот день пришел посыльный: Померанца вызывали в КГБ. Зинаида Александровна выскочила в коридор и сказала: «Оставьте его в покое! Он болен». «Ну и что же, мы можем отложить», - ответил сотрудник, принесший повестку. И они отложили. «И Гришенька, - призналась Зинаида Александровна, - был очень недоволен мной. «Ты мне продлила муку». Несколько дней Померанц не находил себе места, потом он пошел туда, поговорил с ними. Вернувшись, он начал молиться молитвой: «Господи, останови мои мысли!». И мысли остановились. И Григорий Соломонович поправился. Спустя несколько лет КГБ был официально распущен.

Что такое «мои мысли»? Это чувство «я», на которое нанизываются все страхи, все проблемы, все беды. Прекрасный образ дает Рамакришна. Он сравнивает чувство «я» с палкой, которая плывет по течению и болтается на поверхности потока. Может показаться, что вода разделена палкой на две части: по одну сторону Бог, а по другую индивидуальная душа, но в действительности вода одна. Да и может ли какая-то палка разделить поток, а уже тем более океан? Стоит перевести взгляд с палки на океан, и водная гладь станет единой, неразрывной.

Чувство «я», как палка, лежащая на поверхности воды, проводит границу не только между Господом и душой, но между мною и другим человеком. По одну сторону палки собирается всё то, что я принимаю за самого себя. По другую сторону собирается всё то, что я принимаю за другого человека. «Ад – это другие», сказал Жан-Поль Сартр. Современный учитель недвойственности Карл Ренц внес существенное уточнение: «Пока ты веришь, что другие существуют, ты живешь в аду»[7]. На духовном уровне «другой» – это тоже ты. Вот почему Христос говорит, что когда вы накормите голодного и напоите жаждущего, вы утолите Мой голод, Мою жажду. Но и разница между двумя вероисповеданиями создается чувством «я», которое стоит между ними неприступной стеной. Правда, это уже не просто *эго* конкретной личности, это коллективное *эго*, конфессиональное *эго*, которое навязывает нам свой взгляд на вещи под видом Высшей воли. Именно это *эго* я называю духовным, и это самое страшное из всех зол.

Большой друг Померанца и Миркиной Сергей Аверинцев прекрасно знал, что «утративший духовные ориентиры верующий может быть куда опаснее любого

неверующего». Вот почему «вера опасна; поскольку она ценнее всего остального, она опаснее всего остального»[8]. Сергей Сергеевич хорошо об этом сказал. Но в то же время сам Аверинцев считал религии Востока «существенно более одноплановыми». Христианство же, по его мнению, открывает такую перспективу, которую не открывает ни одна религия. Я воздержусь от оценки этого суждения, но напомним: одна из опасностей веры и состоит в потребности сравнения. Иисус не сравнивал себя с Отцом, а если и сравнивал, то говорил: «Отец Мой более меня». Но есть слова, о которых никак нельзя забывать: «Я и Отец – одно» (Ин 10:30). Вот и я должен стать одним с тем, в Кого я верю, не сравнивая свой путь к Истине с путем другого человека или народа, потому что сравнение идет рука об руку с сомнением и беспокойством. И палка снова начинает делить океан на правильную часть и неправильную. И тогда нам, конечно же, хочется оказаться на правильной стороне. Но нет никакой стороны. Там, где есть «сторона», - нет Бога.

Форм поклонения Ему так же много, как листьев на дереве, но за отдельными листьями надо увидеть целое дерево, за многообразием форм - тот единый дух, тот единый океан, в котором рано или поздно утонут все палки.

Американский кришнаитский гуру Радханатха Свами в конце своих духовных поисков пришел к следующему выводу: «Все люди, поразившие меня своей духовностью, были стойкими приверженцами какого-то одного духовного пути»[9]. Глубина же духовных познаний тех искателей истины, которые черпали как можно больше из разных традиций и от разных учителей, Радханатху не впечатляла.

Да, Померанц и Миркина не исповедуют какой-то один духовный путь. Они не указывают никакого пути, они сами являются путем. О таких вещах следует говорить как с огромной осторожностью, так и со всей возможной определенностью. Тот, кто является путем, не может возвеличивать себя, ибо он только путь во что-то гораздо большее, чем он сам. Христос называл Себя путем и дверью, но это открытый всем путь и всегда открытая дверь. Его слова свидетельствуют о великом смирении – Он только путь к Отцу. Вот это «только» Его приверженцы, путающие палец, указывающий на Луну, с самой Луной, очень часто опускают. Может показаться, что мы умаляем перст, служащий указателем. Вовсе нет. Значение перста указующего столь велико, что даже и представить себе трудно! Нужно только глядеть в ту сторону, в которую перст указывает, а иначе мы предаем и Луну, и перст. Христос говорит о Себе не как о чем-то законченном и закрытом, а как об открытой двери, как о пути, не имеющем конца. Им можно пройти. Через Него можно пройти. «Я есмь дверь, кто войдет Мною, тот спасется» (Ин 10:9). Он говорит о Себе, как о Том, через Чье сердце пролит Свет. Он – дорога туда, куда могут и должны прийти все.

Великое счастье быть стойким приверженцем одного духовного пути, вовсе не надо менять его, надо только идти этим путем в глубину, а не оставаться на поверхности. И тогда ты выходишь за пределы системы верований. Померанц и Миркина не устают напоминать об этом. Им вторит Экхарт Толле: «Растет число последователей традиционных религий, сумевших освободиться от отождествления себя с системой форм, догм и жестких убеждений, сумевших открыть глубину в себе и одновременно с этим - исходную глубину, таящуюся в их духовной традиции»[10].

Померанцу и Миркиной никогда бы не пришло в голову создать новую религию или

реформировать старую. И они бы никогда не стали во главе секты, настолько чужды им коллективные формы поклонения преимущественно пальцу, который указывает на Истину. И сами они никогда не претендовали на роль такого пальца. Но вся их жизнь есть устремленность к Истине. Мы только ученики, говорят они. Не идите за нами, говорят они, идите сквозь нас к тому свету, которым вы сами являетесь на глубине.

Один из адресатов Миркиной поднял в письме вопрос о создании духовного общества и спросил, что она об этом думает. Вот что ответила Зинаида Александровна.

«Если сказать правду, я верю только в одно общество – «где двое или трое соберутся во имя Твое, там и Я с вами». Я верю в то, что идёт спонтанно, изнутри. Я верю не в создание какой-либо организации - здесь всегда кто-то организует извне, я верю в создание самого себя изнутри. Если встает свет изнутри, он, как солнце из тьмы, светит всем. Кто сможет, тот увидит. Это очень трудный путь, для которого иногда нет другого выхода, кроме распятия. Это надо знать, на это надо идти и хорошо помнить, что только поэтому носишь нагрудный крестик. Я, правда, ношу его не на груди, а в груди. Но это моё чувство, у Вас может быть другое. Иногда могут получаться хорошие общества, как, например, Орден Святого Франциска. Всё так. И всё-таки это не мой путь. Мой путь - собирание света внутри, а кто увидит - тот загорится».

Замечательная оговорка: «Но это моё чувство, у Вас может быть другое». На такую оговорку способен только духовно зрелый человек. А вот духовный подросток всегда очень категоричен.

На вопрос, в чем сущность религии, Далай-лама XIV ответил: «Главное - это любовь в сердце, а метафизические теории, буддийская и христианская, дело второстепенное». Но всегда находятся люди, которые не останавливаются на подобных ответах. Им хочется получить информацию посущественней. С завидным упорством они интересуются – какого вы вероисповедания, Григорий Померанц? Духовное эго включает систему распознавания «свой-чужой». И снова начинает маячить призрак палки в океане. Мы видим только палку, да и что мы без палки? А океан... Зачем он нам?

В семидесятые годы Померанц и Миркина познакомились с писателем Георгием Балла. Послушав стихи Зинаиды Александровны, Балла, обратившись к ней, сказал удивительную вещь: «Я от вас ничего не ждал. Я от вас ждал, - повернулся он к Григорию Соломоновичу, - у вас прекрасное лицо. Вы орган, - указал он на Миркину, а вы, - обратился Балла к Померанцу, – пространство для органа». Слова эти стали семейным преданием. Быть пространством для органа не менее важно, чем быть самим органом. Голос и пространство, в котором звучит голос, не делимы друг от друга.

Пришло время напомнить о кредо Померанца и Миркиной. Оно никак не принижает те или иные ритуальные практики и религиозные обряды, оно просто совершенно про другое. «Глубина каждой из великих религий ближе к глубине другой великой религии, чем к собственной поверхности». Из этого не следует, что все религии одинаковы. У каждой свое неповторимое лицо. И слава Богу! «Если жить на глубине, - продолжают Померанц и Миркина, - то между великими религиями возможен диалог, основанный на том, что Святой Дух отпечатал себя в каждой из великих цивилизаций: христианской, мусульманской,

ажноазиатской, индийской и дальневосточной. В каждой из них по-своему выражена некая высшая точка зрения»[1]. А слова, образы, символы, которыми эта точка зрения выражена, могут быть разными.

Согласно библейскому преданию, когда-то человечество было одним народом и говорило на одном языке, но как только народы решили «сделать себе имя», Господь отнял у них тот единственный язык, на котором они славили не себя, а Бога в себе, и именно поэтому понимали друг друга. Духовное эго подобно змее заползает в руины Вавилонской башни и грезит о гегемонии того языка или того косноязычия, которое досталось ему после очередного грехопадения. И только Святой Дух может снять это заклятие. Тогда все народы снова обретут один язык, тот, на котором они понимали друг друга. И силы свои они употребят не для того, чтобы возвести новую башню из атеистических доводов или вероучительных символов, а чтобы за творением увидеть Творца. Кто-то сочтет, что питать подобные надежды суще безумие. Но разве путь, которым мы идем, одержимые идеей материального или духовного превосходства, не ведет в пропасть?

Слова Силуана Афонского: «Держи твой ум во аде - и не отчаивайся» были ключевыми для Григория Соломоновича. Да, ад никто не отменял. И даже если в твоей душе нет ада, тебе его всегда могут устроить. А вот за отчаяние отвечаешь ты сам. Извне отчаяние не приходит. Оно поднимается только изнутри. Или поднимается Бог и говорит: «Не отчаивайся, я с Тобой». И Бог говорит это не на том или ином языке, а – светом, всегда светом, и лишь потом мы облакаем этот свет в слова. И если слова продолжают светиться, то человек благодарно молчит или слагает гимн жизни. А если слова гаснут, то человек начинает заносчиво доктринерствовать.

Григорий Померанц называл XXI век эпохой Святого Духа потому, что он почувствовал – воздух, которым мы дышим, хоть и медленно, но становится чище. Человеческий дух эволюционирует не только благодаря праведникам, но и благодаря людям, делающим первые шаги на пути к самоисцелению. Однако есть и другой ответ. И он более соответствует померанцевскому трезвомыслию. Сейчас нам не на что больше рассчитывать. Только на Святой Дух. Нет другой опоры. Все утопии себя исчерпали. Либо мы научимся падать и держаться ни на чем, как птица и звезда, либо мы просто исчезнем.

Я воспринимаю слова Померанца не только как предупреждение, но и как благословение.

Ноябрь, 2017

[1] Демченко М.. Путь Сатчитананды. М., Ганга, 2008. С. 24

- [2] Мейстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения. К., 1998. С. 36.
- [3] Там же.
- [4] Киршин И. Дерево Сада. Калининград, Страж Балтики, 2017. С. 87
- [5] Мейстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения. К., 1998. С.31.
- [6] Дневники. 1973-1983 / Протоиерей Александр Шмеман. М., Русский путь, 2013. С. 297.
- [7] Карл Ренц. Просветление и другие заблуждения. М., Ганга, 2007. С.11.
- [8] Аверинцев С. Как все ценное, вера – опасна. Интервью Илье Медовому (2001) Публикации в журнале «Континент» 2004, № 119.
- [9] Радханатха Свами. Путешествие домой. Автобиография американского йога. М., Арт дизайн, 2014. С. 218.
- [10] Толле Э. Новая земля. Пробуждение к своей жизненной цели. М., РИПОЛ классик, 2013. С. 32.
- [11] Из интервью «С христианской точки зрения» 9 февраля 2008 г.